

О русских ремесленниках в Ливонии

Борис Инфантьев

О русских ремесленниках в Ливонии мы знаем довольно мало.

В «Долговой книге» несколько раз упоминается хозяин гостиницы или заезжего двора.

В Ливонский период продолжают контакты с русскими ремесленниками. Кстати сказать, к ремесленникам в Риге относили и мелких торговцев, и поэтому русским мелким торговцам в 1522 году разрешили объединиться в особый цех как мелким ремесленникам.

Продолжаются контакты с восточнославянскими ремесленниками. Заметное место среди русских Ливонии заняли якорники и сплавщики леса по Двине, которые основали город Якобштат. В Якобштате в XVI веке возникла целая русская слобода, состоявшая из якорников и сплавщиков плотов по Даугаве.

Судоходство по Двине существовало с незапамятных времен. Грузы сплавлялись первоначально на стругах, лодках и плотах. Постройка судов производилась преимущественно в Полоцке, Витебске и Велиже. Какие первые лодки ходили по Двине и какого они были устройства — неизвестно, но о постройке и сплаве стругов, шхун и челноков имеются следующие данные:

«Струги» или «баржи» принадлежат к тяжелоходным судам. Устройство их оставалось неизменным за все время их существования. Струг поднимал груза около 1200 пудов, при осадке в воде на 5 четвертей. Дно его составлялось из толстых досок, в 35 — 55 рядов, смотря по ширине досок. В заостренных концах дна

ставились стыри (столбы в одну сажень вышины), а поперек дна — крючья, или копани, в расстоянии двух четвертей один от другого, которые прикреплялись к каждой доске дна и обшивались с боков досками; такая обшивка называлась «прислоном». Затем на швы досок накладывались узкие дранки, обмотанные паклей, и прибивались железными скобами. На такую же обшивку доков вторично прибивались так называемые красные доски, и дно струга «захватывали», т.е. законопачивали внизу пенькою, скрученную наподобие веревок. На концах струга делали мостки шириною в три сажени, а посредине струга оставляли место, которое называлось «ульлялом», где подвешивали четыре лейки для выливания воды. Поперек струга, сверху, устраивали из драни или теса крышу. На переднем конце струга укрепляли так называемую «кегу», в которую вкладывали бревно девяти сажен длины, стесанное к концу отруба в доску, а на другом, круглом конце, набивали колышки; на заднем конце струга укрепляли березовый «палец», на который клали такой же величины бревно, называемое «стерном» и отделанное в струбе наподобие пера, также насаживали «ковылу» с двумя рогами для поворота «стерна». На переднем мостку клали лежни для гребли. Места весел делали из жердей с небольшими дощечками по концам, а на заднем мостике укрепляли два ухвата для привала. На верху крыши для кормчего устраивали беседку.

Для сплава требовалось, кроме кормчего, на каждый струг 30 рабочих — скодочных. В числе последних находились: один «корен-

ной», стоявший на заднем мостике, двое заведовали осмотром струга в пути, «детина», стоявший при ковыле для поворота «стерна», «травельщик», задерживавший струг на привалах, «сошник» и двое «раскосных», выезжавших на лодке, чтобы прикрепить струг канатом к берегу. Двое «сходочных» определялись водоливами, а остальные находились на переднем мостку, у дрыгалки. Причем выделяли шесть человек на греблю попеременно, для чего вывешивали ведро с небольшой дыркой, наливали его водой. Пока вода стекала, сходочные должны были грести, а затем работала другая смена. Если плыл хозяин струга, то на последнем устраивалась палатка — «майка» разной величины и отделки, смотря по желанию и вкусу хозяина; затем на струге делались разные украшения, устраивалась раскрашенная беседка на крыше, убранная мачтою, флагами и проч. Такие украшения обходились иногда до тысячи рублей. Каждый хозяин или струговщик плыл отдельно со своим караваном стругов. Если у струговщика имелось значительное количество стругов, например, 100 и более, то они разделялись на несколько караванов.

При спуске стругов на воду, по приведении их в порядок, до начала отгрузки хозяин стругов, следуя древнему обычаю, благословлял каждого кормчего хлебом и солью, иконой и рублем, с открытой головой шел на определенный для него струг, и тотчас же начинали грузку товаров. С того времени и до привала струга к назначенной пристани кормчий становился начальником струга и сходочных, и неотлучно находился на корабле днем и ночью. Сходочные называли его «батькою», а он их «детками». По окончании грузки, перед самым отвалом, священник окроплял струги святою водой и благословлял кормчего и сходочных. При отвале сходочные размещались по своим местам, а кормчий, взойдя на крышу, говорил сходочным: «Садись, Богу молись», — и сам при этом набожно крестился на все четыре стороны, после чего делал распоряжения к отвалу. Стоя в беседке, он обык-

новенно говорил сходочным — «направо» или «налево», смотря по тому, куда нужно плыть и притом указывал направление левой рукой, а корновым — правой со словами — «к себе» и «от себя». С самого начала отвала сходочные и все, находившиеся на струге, жили как бы одной семьей. Начинались разговоры, пелись песни и забывалась домашняя трудовая, подчас неприглядная жизнь.

На опасном пороге Креславка, при «обладке колена», требовалась скорая и усиленная работа, после которой сходочным выдавалась водка или же деньги на водку, и отсюда сложилась поговорка: «Креславка — молодцам поправка». После прохода второго порога Перехарыш, в виду шумящих главных порогов Похвальницы, кормчий ободрял сходочных, потом молились Богу, причем кормчий отрезал кусок от благословенного хлеба, посыпал солью и бросал в воду спереди струга (если струги шли после Пасхи, то бросалось при этом освященное яйцо); вслед за этим пускались в пороги. По привале в Ригу кормчий и сходочные получали расчет с «благодарностью»; за сплав кормчему прибавлялось несколько рублей и давался задаток на следующий год сплава, а сходочные получали «на водку». Затем все находившиеся на струге отправлялись длинною вереницей по обоим берегам Двины обратно по делам.

(А. Сапунов. Река Зап. Двина)

Русское население Ливонии в XVI веке пополняют и беглые люди.

Недалеко от Екабпилса пролегла граница, через которую тайно переходили беглые крестьяне, авантюристы и всякий бродячий люд. У Якобштата находились знаменитые двинские пороги, преодоление которых требовало особого навыка. Лоцманы — «корники» — в основном из беглых русских в XVI веке основали здесь «Гольмгофскую слободу». Слобода жила на доходы лоцманов и сплавщиков леса. Кроме того, здесь перегружали на речные суда те грузы, которые прибывали по сухопутному тракту.